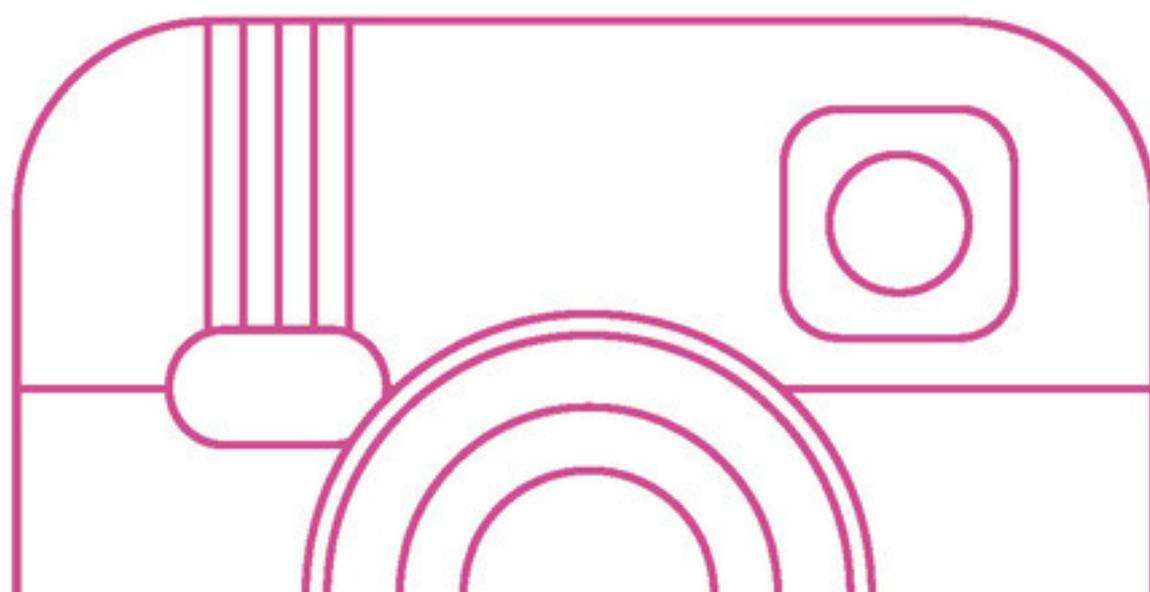

Серия Minima

Норман Мейлер

Белый негр.
Поверхностные
размышления
о хипстере

12

Minima

Норман Мейлер

**Белый негр. Поверхностные
размышления о хипстере**

«Ад Маргинем Пресс»

2015

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)

Мейлер Н.

Белый негр. Поверхностные размышления о хипстере /
Н. Мейлер — «Ад Маргинем Пресс», 2015 — (Minima)

«Поймать волну – означает коммуницировать, передавать свои сущностные ритмы другу, любовнику, просто окружающим людям, и, что не менее важно, ощущать при этом и ответные вибрации. Быть с кем-то на одной волне значит внутренне обогащаться. Хипстер «просекает» это в том смысле, что невозможно постигнуть кого-либо или что-либо, не ощутив ритм внутренней вибрации объекта постижения. Помнится, как-то раз один мой чернокожий приятель на протяжении получаса вел интеллектуальную беседу с белой девушкой, у которой за плечами был колледж. Этот негр в буквальном смысле ни читать, ни писать не умел, но зато обладал удивительно чутким слухом и даром мимикрии под собеседника.»

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)

© Мейлер Н., 2015
© Ад Маргинем Пресс, 2015

Содержание

Предисловие переводчика	6
Самореклама номер шесть	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Норман Мейлер

Белый негр. Поверхностные размышления о хипстере

Norman Mailer

The white negro. Superficial reflections on the hipster

© The Estate of Norman Mailer, 2015

© Никита Михайлин, перевод, примечания, 2015

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2015

© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС»/IRIS Foundation, 2015

Предисловие переводчика

Эссе Нормана Мейлера «Белый негр» принято считать важнейшим, основополагающим манифестом хипстеризма, предвосхитившим взрыв разноплановых контркультурных движений 1960-х годов. Публикация эссе летом 1957 года в журнале «Dissent» сразу же вызвала обширную дискуссию в интеллектуальных кругах Америки, некоторые отголоски которой докатились и до Европы. Стоит, однако, отметить, что данный текст приобрел статус «культового» вследствие кумулятивного эффекта, вызванного суммой целого ряда причин.

Хорошо известно, что Норману Мейлеру, за которым закрепилась слава одного из самых скандальных и неоднозначных американских авторов второй половины XX века, всегда очень импонировала роль ньюсмейкера. В какой-то степени «Белый негр» был своего рода намеренной провокацией – костью, брошенной «конформному большинству». И нужно сказать, что эта провокация достигла своей цели, породив продолжительную, широкую и жаркую дискуссию, в центре которой оказался сам автор с его эпатазирующей, но подкрепленной рядом веских аргументов позицией.

Дело в том, что «Белый негр» был написан Мейлером в период довольно продолжительного спада творческой активности, во время которого он, собственно, занимался самопогружением в хипстерскую субкультуру. После успеха его дебютного романа «Нагие и мертвые», ставшего бестселлером и открывшего ему дорогу в большую литературу, о Мейлере успели подзабыть (в 1951 году вышел «Варварский берег», а в 1955-м – «Олений заповедник»), однако оба эти романа были прохладно встречены критикой и не нашли широкого круга читателей, тогда как следующий по-настоящему громкий успех – причем уже как к автору «контркультурного» лагеря – пришел к нему лишь в 1968 году с публикацией романа о войне во Вьетнаме «Армии ночи»). Это длительное «молчание» Мейлера (или скорее интермедия, во время которой его голос звучал тише обычного) автоматически сделало из публикации «Белого негра» событие, заранее наэлектризовав порожденное ей дискуссионное поле. Свою роль в данном случае сыграло и то, что увлечение писателя хипстерской субкультурой, стало неожиданностью для многих его современников, привыкших к совершенно иному – более «цивильному» – творческому и публичному мейлеровскому имиджу. Ведь тот же роман «Нагие и мертвые» – при всей резкости критических интонаций и натуралистичности описаний нелепых картин смерти – вполне вписывался в сознании читателя в «мейнстримную» парадигму появлявшихся тогда во множестве романов о недавней войне.

Тем не менее, каковы бы ни были сопутствующие мейлеровские мотивы, все они носят второстепенный характер и не умаляют, а лишь подчеркивают общую значимость данного эссе как безусловной вехи в определении содержания и направления общего вектора развития нарождавшегося в 1950-е годы нового типа контркультурного сознания. В этом смысле «Белый негр», безусловно, является первой обстоятельной попыткой контекстного анализа движения хипстеров (если термин «движение» применим к этой нонконформистской прослойке, являющей собой общность скорее не социополитического, а социопсихологического свойства). Несмотря на то что Мейлер выступает в нем как апологет хипстеризма (во многом в пику презираемому им конформизму «цивилов»), многоаспектность его позиции вкупе с ее «инсайдерским» характером позволяет ему вскрыть многие парадоксальные особенности, противоречия и надломы в психологии контркультурного «бунтаря против системы» – бунтаря, который являлся представителем специфической и на тот момент еще не до конца обозначенной «третьей стороны» в бушующем море культурных, идеологических – междивилизационных, если угодно – баталий эпохи холодной войны.

В данном случае нельзя также не подчеркнуть справедливость замечания Кэролайн Бёрд касательно того, что писатель в хипстерской среде – фигура крайне редкая. По сравне-

нию с битниками хипстеры составляли субкультуру в гораздо большей степени «бесписьменную» (и «лиминальную», если воспользоваться терминологией антрополога Виктора Тернера). Иными словами, хипстеры были ориентированы скорее на восприятие и воспроизводство внелитературных культурных практик (музыки, ритуалов, специфического устного фольклора, напоминающего более поздние «телеги» хиппи). Не в последнюю очередь ценность «Белого негра» заключается в том, что эта работа представляет собой попытку аналитической текстуализации хипстерского опыта и сознания. Мейлер выступил в роли первопроходца, осмелившегося обратить внимание общества на феномен, который не вполне укладывался в русло магистральных социологических и психоаналитических теорий того времени. В каком-то смысле данное эссе – это своего рода словарь или азбука хипстеризма, которая, с одной стороны, позволяет читателю как следует «вчитаться» в хипстера, а с другой – существенно расширить привычные клишированные рамки восприятия данного социокультурного персонажа. Вероятно, именно здесь и кроется главный секрет многолетнего и неослабевающего читательского и исследовательского интереса к этому тексту.

В данном издании также приведены некоторые письма из переписки Мейлера с критиками и интервью, записанное Ричардом Стерном. Эти небольшие обрамляющие тексты дополняют эссе, проясняют (подчас методом «от противного») некоторые аспекты отстаиваемой его автором позиции и вскрывают корни и предпосылки выраженных в нем убеждений. Перевод эссе и сопровождающих материалов осуществлен по публикации в книге Мейлера «Самореклама» («Advertisement for Myself»). Первое издание – New York: Putnam's Sons, 1959.

Никита Михайлин

Самореклама номер шесть

Уходя из «Voice»¹, я знал, что пришло время привести себя в порядок. Внутри меня сидел роман² (о котором я уже упоминал в других предисловиях), однако я знал: чтобы и впрямь когда-нибудь его написать, мне сначала придется долго и упорно работать над тем, чтобы вновь научиться работать.

За то время, пока мы жили в Париже, мне удалось избавиться от некоторых вредных привычек – по крайней мере, слезть с бензедрина и секонала, но полтора месяца воздержания от наркотиков атрофировали мой мозг и стоили мне огромного напряжения. Когда мы вернулись в Нью-Йорк, город показался мне мертвым. Я чувствовал, что нахожусь на грани. Жена была беременна. Внезапно я осознал, что у меня просто не хватает сил поддерживать безумный ритм жизни последних нескольких лет. Поэтому мы подыскали себе домик в пригороде. Прежде чем он нам наскучил и мы захотели вернуться обратно в Нью-Йорк, каждый из нас успел неплохо над собой поработать. За эти два года медленной работы я написал «Белого негра», шестьдесят страниц романа, некоторые вещи из тех, что вошли в эту книгу, а также переделал «Олений заповедник» в пьесу. Предпочту, однако, до поры оставить все подробности. Впереди меня ждала переписка с Уильямом Фолкнером при посредничестве одного моего друга.

Переехав в пригород, я решил бросить курить. Пару раз я пытался сделать это в Нью-Йорке, но спустя несколько недель неизменно срывался: когда куришь по сорок сигарет в день, завязать с никотином ничуть не легче, чем с героином. Но на сей раз я вдобавок начал заниматься боксом. Мой отчим, который в свое время был профессионалом, всегда надевал перчатки вместе со мной. Нет ничего плохого в том, чтобы набрать форму, говорил я себе. И дрался. Честолюбиво, азартно, напряженно, раскрывая в себе новую жестокость и новую пассивность. И обходился без сигарет четыре месяца кряду. В то время меня разнесло до ста семидесяти пяти фунтов, однако я пребывал в хорошей форме и мои чувства были обострены: я научился получать удовольствие от сотен вещей, в которых раньше не находил ничего особенного. Впервые за два года непрерывных марихуановых зависов я начал ощущать, что набираю больше сил, чем успеваю растратить. Все шло хорошо, за исключением того, что писать никак не получалось: прояснения случались, но вот связность мыслей хромала так, будто голова была набита соломой.

Для меня это была первая передышка за долгие годы, и я ходил словно мешком по голове ударенный. Я по-дурацки чувствовал себя в компании; стоило мне о чем-то задуматься, как в ассоциативных рядах неизбежно возникали пробелы. Я опасался, что это может быть расплатой за все те годы, что я калечил себе нервы бензедрином и секоналом. Временами меня накрывало ощущение невыносимости дальнейшего творческого бездействия, и я стал жить с уверенностью, что просадил свой талант.

Таким был общий фон моих размышлений, когда ко мне на уик-энд приехал погостить Лайл Стюарт³. Как-то вечером мы спорили с ним о степени свободы слова в масс-

¹ «The Village Voice» («Голос Гринвич-Виллидж») – нью-йоркская еженедельная газета, изначально относившаяся к числу альтернативных (некоммерческих) СМИ, преимущественно освещающая события культурной жизни мегаполиса. Основана 26 октября 1955 года в районе Нью-Йорка Гринвич-Виллидж при участии Нормана Мейлера. Помимо Мейлера в газете в разное время печатались Эзра Паунд, Ален Гинзберг, Том Стоппард, Э. Э. Каммингс.

² Мейлеру так и не удалось до конца воплотить этот свой замысел: рассказ «Время ее расцвета» («The Time of Her Time»), написанный им в качестве пролога к «Большому роману», так и не получил продолжения. В 1998 году рассказ был экранизирован режиссером Френсисом Делия.

³ Лайл Стюарт (Lyle Stuart, 1922–2006) – американский независимый журналист и издатель, основатель издательств «Lyle Stuart Inc.» (просуществовало до 1989 года), «Barricade Books» (существует до сих пор) и ежемесячного табли-

медиа. Стюарт был настроен оптимистичнее меня и обронил между делом, что не существует в мире такой точки зрения, которую бы его ежемесячник (газета «The Independent») не решил опубликовать. Я возразил ему, что если изложу на полстраницы свои соображения по поводу интеграции в школах, то ни одно крупное издание не возьмется их печатать, даже если предварительно они появятся в «The Independent».

На что Стюарт ответил мне: «А ты напиши – вот тогда и поглядим».

Той же ночью перед сном я набросал по этому поводу несколько фраз. Текст вышел неприкрыто жестким и безапелляционным. Я чувствовал потребность изложить все, что думаю на сей счет, причем в нарочито неприятной манере, чтобы мое мнение нельзя было просто так проигнорировать. После долгих и неуклюжих попыток нащупать каждое слово распухшим языком никотинового наркомана в завязке, у меня получилось следующее:

«Почему бы нам, наконец, не взглянуть на ситуацию в южных штатах честно и непредвзято? Любой, кто знаком с Югом не понаслышке, знает о страхе белого человека перед сексуальной мощью негра. Что же до самого негра, то, терзаемый сознанием своего рогазозного бессилия, он продолжает копить в себе ненависть, отчего с каждым днем становится только сильнее.

Ибо на протяжении двухсот лет белый обладал его женщиной как символически, так и в прямом смысле этого слова. И именно это в действительности подразумевают литературные критики, говоря о южном бремени кровной вины.

Вся ирония в том, что одна мысль о равенстве с негром в пределах классной комнаты вызывает у белого стойкое отвращение, ведь он и без того ощущает над собой чувственное превосходство негра. Поэтому белый на уровне подсознания чувствует справедливость старого порядка, при котором сексуальное превосходство негра уравновешивалось расовым превосходством белого.

В рамках данной логики, коренящейся в подсознании белого южанина, наделение негра полноценными гражданскими правами суть роковой шаг, равнозначный признанию его победы над белым. Белые южане не желают мириться с историческими превратностями, невзирая на то, что процветание негра на фоне их временного, но оттого ничуть не менее неизбежного духовного порабощения наверняка пойдет на пользу обеим расам – не говоря уже о сугубо моральных аспектах справедливости такого положения вещей».

Стюарт остался доволен. Он был уверен, что новостные агентства непременно за это ухватятся. Мы заключили с ним пари, после чего Лайл Стюарт забрал мое «президентское послание» и увез его домой.

Стюарт – здесь нужно отдать ему должное – всегда был первоклассным журналистом, поэтому, повинувшись внутреннему чутью, он первым делом отправил мою писанину Фолкнеру, который, в свою очередь, решил не тянуть с ответом и написал мне следующее:

«За последние лет двадцать мне неоднократно доводилось слышать эту идею, однако впервые ее пытается донести до меня мужчина.

Обычно подобными мыслями со мной делились дамочки лет сорока – сорока пяти родом с Севера или со Среднего Запада. Не знаю, что бы на это сказал психиатр».

ида «The Independent». Известен публикациями литературы леворадикального и анархического толка: в частности, издал «Поваренную книгу анархиста» Уильяма Пауэлла в 1971 году, кроме того, в 1984 году впервые в США издал автобиографию Фиделя Кастро, сторонником чьих взглядов являлся в 1960–1970-е годы. Сам себя называл «фанатиком Первой поправки». В период, описываемый Мейлером, занимался журналистскими расследованиями для своего таблоида и публиковал, в числе прочих, книги психолога Альберта Эллиса «The Case for Sexual Liberty» («Дело о сексуальной свободе»), «Sex Without Guilt» («Секс без вины»). Неоднократно (с переменным успехом) отстаивал свои права и убеждения в ходе громких судебных процессов. Также был профессиональным игроком в карты и известен своими книгами о стратегиях азартных игр.

Когда я впервые читал эти строки, мне было совсем не до смеха. Вполне допускаю, что мое ответное письмо было сформулировано далеко не лучшим образом. Тем не менее оно стоило мне больших трудов. Собственно, ответил я ему следующее:

«Подобно многим другим писателям, у которых за плечами титаническая творческая работа, мистер Фолкнер в силу застенчивости привык вести довольно замкнутый образ жизни. Поэтому лично для меня нет ничего удивительного в том, что его так сильно увлекают и впечатляют беседы с чувствительными дамочками среднего возраста».

В принципе, на этом можно было и остановиться, но после продолжительного воздержания от писательства пальцы сами собой тянулись к машинке, поэтому я продолжил свою браваду. Как бы там ни было, не могу сказать, что мне так уж сильно хочется откреститься от моего тогдашнего пассажи, потому что в нем и впрямь содержится некоторая доля правды:

«Что же до самих дамочек, то меня приятно удивляет тот факт, что и они тоже придерживаются данных взглядов, потому что лично мне доводилось в той или иной форме слышать эти «мои» идеи от самых разных людей, а именно: от самого умного во всем Куинсе чернокожего мойщика машин, от мулата-карманника, от проститутки, с которой у нас общие друзья, и, наконец, от одной выдающейся женщины, которая в свое время была мамочкой в одном из борделей Южной Каролины, потом пыталась свести концы с концами, толкая дурь в Гарлеме, и при этом успешно подняла семью, а в настоящее время благополучно разменяла пятый десяток, не растеряв вкуса к жизни.

Эта женщина никогда не была святой – однажды я даже стал жертвой ее неприкрытого вероломства, – однако по вопросам межрасовых отношений на Юге я склонен доверять ей гораздо больше, чем мистеру Фолкнеру.

Как это ни удивительно, но, похоже, Уильям Фолкнер и впрямь на полном серьезе считает, что психиатр способен понять писателя».

Заполучив эту эпистолярную перепалку, Стюарт разослал копии наших писем целому ряду известных людей и получил ответы от Элеанор Рузвельт⁴, У. Э. Б. Дюбуа⁵, Уильяма Брэдфорда Хьюи⁶, Джорджа Сильвестра Вирека⁷, Мюррея Кемптона⁸ и некоторых других.

⁴ Анна Элеанор (Элеанора) Рузвельт (Anna Eleanor Roosevelt, 1884–1962) – племянница 26-го президента США Теодора Рузвельта и жена 32-го президента США Франклина Делано Рузвельта, в политической карьере которого сыграла заметную роль. Активно занималась правозащитной деятельностью и благотворительностью. Участвовала в создании ООН, где позднее (с 1946 по 1953 год) председательствовала в комитете, разрабатывавшем Всеобщую декларацию прав человека. Принадлежала к числу феминисток первой волны.

⁵ Уильям Эдуард Беркхардт Дюбуа (William Edward Burghardt Du Bois, 1868–1963) – афроамериканский общественный деятель, panaфриканист, социолог, историк и писатель. Стоял у истоков организованной борьбы афроамериканцев за уравнение в правах с белыми, являясь одним из сооснователей и активным участником Ниагарского движения и Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (NAACP). Принадлежит к числу ключевых авторов, заложивших основы афроамериканской литературы. Выступал против расовой дискриминации и был известен своими левыми взглядами, полагая расизм прямым следствием капитализма. Подвергался судебным преследованиям в эпоху маккартизма. В период с 1928 по 1962 год несколько раз посещал СССР. В 1961 году вступил в американскую коммунистическую партию, переехал в Гану и отказался от американского гражданства.

⁶ Уильям Бредфорд Хьюи (William Bradford Huie, 1910–1986) – журналист, телеведущий, издатель, сценарист и писатель. Автор нескольких разоблачительных книг о Второй мировой войне (основанных на личном опыте участия в высадке в Нормандии и на Иводзиме) и расовой дискриминации. В 1950–1960-е годы был активистом Движения за гражданские права чернокожих в США. Параллельно по заданию ряда газет и журналов освещал громкие судебные процессы с расовой подоплекой, а также другие резонансные события, происходившие на американском Юге (в том числе убийство Мартина Лютера Кинга в 1968 году). В ряде случаев практиковал «журналистику чековой книжки» (платные сенсационные интервью).

⁷ Джордж Сильвестр Вирек (George Silvester Viereck, 1884–1962) – поэт, писатель и журналист. В период раннего творчества (сборник стихов «Ниневия», роман «Дом вампира») подражал европейским писателям-декадентам (в первую очередь Оскару Уайльду), вследствие чего за ним закрепилось звание «первого американского декадента». В дальнейшем отошел от декадентской эстетики. Брал интервью у Адольфа Гитлера в 1923 и 1933 годах. Помимо этого, в середине 1920-х годов интервьюировал Жоржа Клемансо, Бенито Муссолини, маршала Фоша, Альберта Эйнштейна, Зигмунда Фрейда, Генри Форда, Освальда Шпенглера и других известных людей (позднее эти интервью составили сборник «Блики великих», 1930). Также был близким другом Николы Тесла. Будучи германофилом и одновременно сторонником американского изо-

И еще некий «видный негритянский деятель» (здесь я цитирую статью Стюарта из «The Independent» за март 1957 года) «заявил, что не может дать по этому поводу публичный комментарий, но, конечно же, Мейлер прав на все сто процентов».

Элеонор Рузвельт ограничилась всего одной строчкой: «Я нахожу заявление мистера Мейлера отвратительным и неуместным».

Мне подумалось тогда, что, возможно, это первый случай, когда миссис Рузвельт позволила себе употребить в печатном виде слово «отвратительный».

Уильям Брэдфорд Хьюи прислал длинный пассаж, главная идея которого сводилась к тому, что я отстаиваю данную позицию исключительно потому, что являюсь коммерческим автором и лишние упоминания о сексе добавляют мне популярности.

Большинство остальных респондентов были либо просто обескуражены, либо настроены критически, умеренно и/или либерально. Обозреватель «N. Y. Post» Кемптон с уверенностью утверждал в своем письме, что секс вовсе не лежит в основе южной дилеммы и чуть было не напросился на ответ, заметив между делом: «Не думаю, что представления Мейлера о Юге выходят за рамки прочитанных им книг». У меня было сильное желание напомнить ему, что я служил на Тихом океане в 12-м бронекавалерийском, который входил в состав Техасской экспедиционной группы, и к моменту моего зачисления туда почти полностью состоял из техасцев и южан. (Всем желающим получить живое представление об этих военных частях советую почитать «День, когда кончился век» из книжечки под названием «Между раем и адом» моего давнего друга Френсиса Ирби Гуолтни, который сам родом из Арканзаса.)

Стюарт разослал полученные комментарии редакторам шести южных газет, но ни один из них не удосужился ответить или напечатать хоть слово по этому поводу. Такое же молчание хранили и все без исключения новостные агентства. Единственное упоминание обо всей этой истории встретилось в диатрибе одной миссисипской газеты, автор которой просто называл мое письмо ужасным без какого-либо упоминания о его содержании.

И все же меня продолжали тревожить мои мотивы. Мое высказывание разжигало умы, но не освещало проблемы. Мне нужно было написать что-то посильнее, что-то гораздо более сильное, потому что в противном случае мой тогдашний внутренний настрой мог смениться другим, а я всеми силами стремился избежать этой перемены, ибо на тот момент во мне ни больше ни меньше сидела убежденность в правоте и серьезности моих взглядов, а также уверенность в том, что мой труд способен дать людям больше, чем уже успел у них отнять.

Что же до настроения, который я рисковал приобрести взамен имевшегося, то тот обещал быть куда хуже. В общих чертах он сводился мысли о том, что романист, которого я всегда считал великим, отказал мне в праве называться писателем. И в бликах света, отраженного льдом его кратких строк, угадывались контуры того облика, в котором я предстану, если не сумею оживить пустые формы своих громких высказываний, написав нечто гораздо более значительное, чем все то, что удавалось мне ранее. Сквозь зеркало моего Я на меня глядела

ляционизма, активно призывал власти не вступать в Первую и Вторую мировые войны и даже выступал с идеей широкой англо-германской коалиции, за что неоднократно подвергался порицанию в различных общественных кругах и очернению в прессе. Он также открыто выступал в поддержку нацистского режима в преддверии Второй мировой войны (при этом старательно отмежевываясь от сопутствующей национал-социалистической юдофобии). С 1942 по 1947 год отбывал заключение по обвинению в прогерманской пропаганде. Выйдя на свободу, опубликовал книгу тюремных мемуаров «Превращая людей в скотов» («Men into Beasts», 1952), шокировавшую многих современников натуралистичными описаниями тюремных жестокостей и гомосексуального насилия.

⁸ Джеймс Мюррей Кемптон (James Murray Kempton, 1917–1997) – журналист, лауреат Пулитцеровской премии 1985 года. Начиная с 1940-х годов, писал материалы и вел колонку в газете «New York Post». В 1974 году получил Национальную книжную премию США за книгу «Колочие заросли: народ штата Нью-Йорк против Лумумбы Шакура» о громком процессе над членами леворадикальной чернораacistской организации «Черные пантеры». Также широкую известность в США приобрела его книга «Роль нашего времени» («Part of Our Time», 1955) о радикальных политических движениях 1930-х годов.

тень персонажа, которого, по всей вероятности, видел во мне Фолкнер: тень невразумительной и посредственной макаки, чье общество серьезные писатели терпели чересчур долго. В общем, Фолкнер сотворил надо мной библейский акт изгнания, за что я ему крайне благодарен. Страх перед возможными последствиями не оставил мне иного выбора, кроме как отправиться в путешествие по психологическим дебрям «Белого негра».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.